

Диванидова Елизавета Петровна

Общество «СССР – Япония» 1973 – 1992 гг.

Несколько слов об истории

История есть история, в ней есть приятные и неприятные эпизоды, но историю надо принимать такой, какая она есть – история рассказывает о том, что было.

Трагическая судьба японской актрисы Ёсико Окада (1903-1992)

*«Никого не виню – виновата сама,
Была совершена роковая ошибка в моей судьбе»*

Ёсико Окада

21 апреля 2016 года исполняется 113 со дня рождения известной японской актрисы довоенного театра и кино Ёсико Окада. Её жизнь начиналась ярко: одарённая, талантливая, блестяще окончила художественное училище, получила диплом художника. Необыкновенно красивая женщина, выразительная внешность, прекрасная речь, темперамент и пластика в движениях – она, казалось бы, самой природой была создана для театра. Сначала она много снималась в кино, затем стала работать в театре и была любима публикой. Казалось бы, что ещё нужно человеку для полного счастья? Но жизнь иногда вносит свои коррективы.

О трагической жизни Ёсико Окада, которую часто называли японской Любовью Орловой, написано много статей и книг, как нашими, так и японскими журналистами, и даже недавно снят документальный фильм. Я не буду рассказывать о её мучительной тюремной жизни. Моя задача – напомнить всем нам о тех ярких личностях с их разными судьбами и о заметных исторических событиях прошлых лет. Я также не буду касаться подробностей её биографии период её тюремного заключения с 1938 – 1948 гг.

Скажу лишь следующее: меня не перестает мучить вопрос о том, как могла она в расцвете сил и таланта совершить дерзкий, необдуманый поступок – бежать из своей страны и перейти советскую границу в тяжёлые годы сталинских репрессий. Но факт свершился. Работая в театре вместе с Рёкити Сугимото (его настоящее имя Ёсимаса Ёсида), Ё. Окада попала под его сильное влияние, полюбила его и совершила вместе с ним этот дерзкий и отчаянный поступок.

Что заставило их бежать из страны?

В те годы (1920-30-е гг.) для японского театрального искусства и кино был период расцвета. Молодые японские режиссёры и актёры открывали европейское искусство, новое для Страны восходящего солнца.

В начале 1930-х гг. в Японии завершается формирование власти военщины. Японский милитаризм душит всё живое: любое проявление свободомыслия становится государственным преступлением. Огромное влияние на японскую интеллигенцию оказывала русская литература. Новый русский театр у всех театралов на слуху. Новая система Мейерхольда, Станиславского, пьесы А. П. Чехова, М. Горького, В. Маяковского и других русских и советских драматургов будоражили японскую общественность.

Как я сказала выше, сначала Ё. Окада много снималась в кино и была очень популярна, затем начала работать в театре «Сётику», где поставила несколько спектаклей совместно с театром «Цукудзи», в котором работал режиссёром переводчик русской литературы Рёкити Сугимото. Он старался претворить в жизнь новые замыслы, увлекая своими идеями всех окружающих. Увлёклась им и Окада. Она работала вместе с ним и полюбила...

Это была большая, зрелая, настоящая любовь, которую она пронесла через все годы своей жизни. Но эта любовь принесла ей не только радость, но и большое горе и страдания. Она изменила всю её дальнейшую жизнь. Совсем тяжело приходилось Сугимото – он член Компартии Японии, его дважды арестовывали, запрещали его публикации, закрыли театр «Цукудзи». Ёсико далека от политики, она не понимает сути происходящего в стране и не понимает, что ей втолковывает Сугимото. Он убеждает её бежать в Россию: «В России процветает литература и искусство, а самое главное – передовой революционный театр». О Всеволоде Мейерхольде он говорил особо горячо: «Это основоположник нового, пролетарского театрального искусства, он – великий режиссёр, работает в Москве. Нужно бежать в Россию, добираться до Москвы. Мы будем учиться у Мейерхольда, работать вместе с ним – пролетарское искусство интернационально. Ты станешь великой актрисой, известной на весь мир».

И убедил. Они решаются на побег. Но выбраться из Японии было непросто, тем более ему, коммунисту, тем более в Советский Союз. Они разработали план побега, смелый, опасный и рискованный.

План побега

Якобы под видом концертной деятельности Ё. Окада получила разрешение от японских властей на проведение новогодних концертов в воинских частях и на пограничных заставах Южного Сахалина, который до конца второй мировой войны являлся территорией Японии. Сугимото сопровождал её как режиссёр. Её выступления на сцене вызывали восторг и восхищение зрителей. Пока всё шло по намеченному плану. Затем Окада попросила пограничное начальство разрешить им прогуляться вдоль границы. Разрешение было получено. 3 января 1938 г. на санях, в сопровождении двух конных жандармов, они отправились вдоль границы. Лошадь передвигалась с трудом, проваливаясь в глубокий снег. Было не холодно, но дул сильный ветер, и крупными хлопьями падал снег, несколько усложняя их движение. Жандармы расслабились, положили свои винтовки на сани и, ничего не подозревая, пошли за ними. В своих длинных шинелях им было трудно передвигаться по глубокому снегу, и они стали отставать от саней. Никому и в голову не пришло, что задумали эти два иностранца. Когда до границы оставалось метров сто, Рёкити прыгнул с саней, схватил одной рукой их сумки, другой подхватил Ёсико: *«Побежали!»* Они старались бежать быстро, спотыкаясь и проваливаясь по пояс в глубокий снег. Жандармы на мгновение растерялись, не зная, что предпринять. Они почувствовали, как жандармы спешат, приближаясь к ним всё ближе. Выбившись из последних сил, Окада и Сугимото остановились. Сердце Ёсико билось в сумасшедшем ритме и мешало дышать. Рёкити, задыхаясь, слабым голосом произнёс: *«Прибежали»*. Советские пограничники подобрали их в восьмистах метрах от линии русской границы.

После перехода советской границы, они были арестованы и помещены в разные тюремные камеры. На следующее утро началась кошмарная жизнь. Допросы следовали один за другим. Грубое обращение и унижение со стороны следователей, бессонные ночи. Ёсико не понимала, чего от неё хотят. Совершенно ясно, что хотели следователи: только признание в шпионаже. Но она твердила: «Я - актриса и никто

больше!» Жизнь становилась невыносимой. Впервые нет с ней рядом Сугимото. Ей казалось, что он где-то рядом, но не может ей помочь. И вот, наконец, после всех изнурительных, мучительных дней и ночей, её судьба была решена.

Следствие закончено. В июле 1939 г., через полтора года после её ареста, 27 сентября 1939 г. военная коллегия Верховного суда СССР вынесла Ёсико Окада приговор – десять лет тюремного заключения. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал. В этот же день был приговорён к высшей мере наказания – расстрелу Рёкити Сугимото. Пуля мгновенно прервала его жизнь. А Окада начала свой тяжкий путь в неизвестность. Можно себе представить, чего стоило ей это перевоплощение, ведь раньше она жила только актёрской жизнью и другой жизни не знала. Все эти чудовищные годы показались ей вечностью.

После её освобождения в 1947 г. начинается новый, третий этап её жизни. Впереди много разных идей и планов. Но потерянные годы в самом творческом периоде её молодости напоминают ей о том, что необходимо рассчитать силы. Да и она уже стала другим человеком, способным перенести любые трудности на свободе. В суровых условиях тюремной жизни выработался твёрдый характер.

Но Окада – творческая личность, она думала только об одном: нужно сосредоточиться на самом важном для неё - не потерять профессию актрисы. Это была основная цель её дальнейшей жизни.

Первый день в большом незнакомом городе.

Холодным зимним декабрьским утром 1947 г. из большого здания на Дзержинской площади Москвы – это бывшее здание НКВД, вышла маленького роста женщина. Оглядываясь по сторонам, она неуверенно шла по улице. Так ходят в Москве только приезжие люди, не зная города. Окада знала, куда ей идти. В кармане её куртки лежала справка об её освобождении и ордер на маленькую комнату в гостинице «Люкс» на улице Горького (ныне улица Тверская). Вошла в почти пустую комнатку: в ней были стол, кровать, два стула и маленький шкафчик, на полке которого поместились все её вещички.

Десять лет тюремной жизни оставили в её душе такой отпечаток, что впечатлений ей хватило на всю оставшуюся жизнь. Пройдя все суровые испытания, она пока не знает, какой будет её дальнейшая жизнь на свободе. Но она никогда не

думала, что жизнь может быть такой жестокой и несправедливой. Много разных мыслей было в её голове, и пока она чувствовала себя здесь чужой и была не уверена в себе. Мысленно она задавала себе один и тот же вопрос: кто она в этой стране? Ни гражданства, ни работы, ни постоянного жилья! При освобождении ей обещали, что всё в её дальнейшей жизни будет хорошо. Дали подписать документ «о неразглашении». Она его подписала. Хотя и без этого документа она не собиралась никому рассказывать о том чудовищном периоде её жизни. Это - особенность её характера. Окада обладала сильным характером, всегда спокойна, тактична и сдержана. Но что творилось в её душе? Принято говорить, что время лечит. Но могло ли время излечить глубокие душевные раны актрисы?

Спустя несколько лет, уже побывав в новой Японии, она в своих мемуарах, опубликованных в Токио, никогда не писала о своей тяжёлой лагерно-тюремной жизни. Этой маленькой японской женщиной восхищались все, кто общался с ней хотя бы раз.

Понемногу Окада стала привыкать к своей новой жизни, ей предложили работу. Сначала она работала в издательстве «Иностранная литература», переводила на японский язык произведения советских публицистов. За всё время жизни в России она неплохо овладела русским языком, но до конца своей жизни говорила с очень милым акцентом, с трудом подбирая слова.

Однако Окада - актриса, ей всегда хотелось быть ближе к искусству и к театральной профессии. Уже в 1953 г. в возрасте 50 лет поступила учиться в ГИТИС на режиссёрский факультет по классу профессора Николая Павловича Охлопкова. Он же обратился в международный отдел КПСС с просьбой о её зачислении в ГИТИС – ныне Академия театрального искусства (тогда в СССР подобные вопросы решались на уровне партийного, а не государственного руководства). Для неё было сделано исключение. Сокурсники были вдвое моложе её, а педагог Андрей Александрович Гончаров был моложе её на пятнадцать лет, но это никого не смущало. Закончила она институт экстерном в 1956 г.

В театр им. Маяковского она пришла со своим дипломным спектаклем «Украденная жизнь» по пьесе японского драматурга Каору Моримото. И таким образом она стала российским режиссёром в российском театре, осуществив, хотя и с большим опозданием, заветную мечту - свою и Сугимото.

В театре им. В. Маяковского она работала много, напряжённо. Заряжаясь её энергией и энтузиазмом, все артисты и работники театра, занятые в спектакле, полностью отдавались её творческому замыслу. Но в этом же театре работала великая русская актриса Мария Бабанова. Она чувствовала в театре своё превосходство, и, я думаю, что она сначала встретила Ё. Окада с некоторым напряжением. Но всегда улыбающаяся, светящаяся Окада подчинила всех своему мягкому влиянию. Удивительно, что она сумела покорить даже Бабанову – человека с очень непростым характером. «Ещё будучи студенткой в ГИТИСе, говорил её педагог А. Гончаров, она меня поражала какой-то скрытой силой, неисчерпаемым оптимизмом и обаянием. В неё была влюблена половина студентов института». Для театра им. Маяковского было престижно, что Мария Ивановна Бабанова и Ёсико Окада – две выдающиеся актрисы того времени, с разных концов Земли, с разными судьбами, сдружились, работая над спектаклем. И более двадцати лет, до самой смерти М. И. Бабановой, они встречались, поддерживая друг друга.

Ёсико всегда была жизнерадостной, мягкой, доброжелательной в отношении с людьми. Но при этом была очень сильным человеком, большой личностью с удивительным сочетанием таланта и железной воли. А мы ведь тогда не знали, где и как выработывался этот характер. Сама она о своей жизни старалась не рассказывать, и мы понимали её и не спрашивали – не принято было интересоваться о том периоде её жизни.

Ёсико Окада и в этом проявила себя человеком великодушным, личностью большого масштаба. Даже тот факт, что она не стала «сводить счёты» с коммунистическим режимом. Для неё, наверное, не это было главным. Всё больше её беспокоило, как сложится её дальнейшая жизнь. Я думаю, что не просто ей было приспособиться к другим условиям, традициям и образу жизни другой страны. В те годы в Москве было не так много специалистов, знающих японский язык.

Режиссеру и актрисе Ёсико Окада предложили также и работу диктора в отделе иновещания на Японию Радио СССР. Дикторская работа ей очень понравилась, так как она была близка к артистической. И как говорила сама Ё. Окада, «работать с микрофоном на радио было радостно оттого, что можно было общаться с моей далёкой Родиной». У истоков радиовещания из Москвы на Японию стояли японские интернационалисты, искренние друзья Советской страны, среди них были японец

Мухэнсян, Ясуко Катаяма и другие. Но появление на студии Московского радио знаменитой японской актрисы Ёсико Окада было ценнейшим подарком. Прекрасная речь, литературный язык; её первые слова: «Говорит Москва», приводили в восторг японских слушателей. «Главное, к чему мы стремились, говорила Ё. Окада, рассказать правду о Советской стране, о её политическом строе, а также о жизни Советского народа». И до конца своей жизни она вела работу по пропаганде произведений русской классической и современной литературы и театра. В этих передачах Ё. Окада рассказывала о творчестве Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. Н. Островского, С. А. Есенина и многих других. Она первая открыла для японцев актёра Иннокентия Смоктуновского, рассказав о его исполнении роли Гамлета. Она прилагала все свои усилия, направленные на расширение связей между театральными деятелями СССР и Японии. Общение со своими соотечественниками всегда было для неё приятным событием.

Первым её знакомым и наставником был Роман Николаевич Ким – блестящий японист и литератор, получивший образование в Японии. Во времена сталинских репрессий был арестован в 1937 г., а после войны освобождён и жил в Москве. Но настоящим близким человеком и лучшей подругой в Москве до конца её жизни была Ясуко Катаяма. Через неё и я познакомилась с Ё.Окада. Неоднократно встречались с ней в Доме дружбы общества «СССР-Япония», а также у Катаяма дома.

Ясуко Катаяма – дочь известного революционера, основателя компартии Японии Сэн Катаяма. В 1931 г. она приехала в Москву по приглашению своего отца, который с 1921 г. жил и работал в Москве. В 1933 г. Сэн Катаяма скончался. Похоронен в Москве на Красной площади в кремлёвской стене. К сожалению, вместе им суждено было прожить всего лишь два года. После смерти отца Сэн Катаяма эта ситуация поставила перед Ясуко Катаяма новые задачи. Она не знала русского языка и не была знакома с условиями жизни другой страны. Но советские люди никогда не оставляли её в беде, оказывали всегда дружескую поддержку. Н. К. Крупская, супруга В. И. Ленина, которая в то время заменяла пост заместителя наркома просвещения РСФСР, лично занялась её трудоустройством. Сначала она посоветовала Ясуко Катаяма освоить рабочую специальность и предложила работу на Втором Московском часовом заводе. Он находился недалеко от гостиницы «Люкс», где она проживала. Затем, чтобы использовать её знания иностранных языков (английский,

французский), предложила ей работу в библиотеке иностранной литературы. После того, как было образовано общество «СССР – Япония» (1959), Ясуко Катаяма являлась сначала заместителем председателя центрального правления, затем вице-президентом общества «СССР – Япония». Она посвятила себя благородной цели, работала по укреплению и развитию дружественных связей между советской и японской общественностью. В те годы (70-е, 80-е гг.) нашу страну посещало много японцев. Это были официальные делегации, отдельные деловые люди, а также многочисленные туристические группы. (фото) Встречи проходили, как правило, в Доме Дружбы в присутствии Ясуко Катаяма. К этому времени у Ясуко Катаяма и Ёсико Окада сложились довольно тесные дружественные отношения. Чтобы скрасить её одиночество, Ясуко Катаяма приглашала Окада сан в Дом Дружбы для встреч с нами, женщинами, членами общества «СССР – Япония». Я вспоминаю. Как Ясуко Катаяма предупреждала нас о том, чтобы мы с особой осторожностью отнеслись к возможным вопросам о том неприятном для Окады времени. Ясуко Катаяма говорила: «Ёсико Окада пережила страшную трагедию в своей жизни, и эта тема для неё очень чувствительна». Эти встречи, как правило, были связаны с какими-либо событиями: праздниками или днями рождения, и превращались в приятное чаепитие. Японские женщины рассказывали нам, как они в первый раз случайно встретились на улице Горького в Москве, быстро подружились и, до конца жизни Ясуко Катаяма, никогда больше не расставались. Я всегда с большим удовольствием вспоминаю те встречи, то прекрасное время, то здание Дома Дружбы на проспекте Калинина (Воздвиженка). Расставаясь, мы пожелали Ёсико Окада здоровья, и несмотря на запрет Ясуко Катаяма, кто-то из нас всё же коснулся её прошлого: «Вы пережили суровые испытания в своей жизни и остались сильным человеком, мы желаем Вам дальнейших творческих успехов» - «Спасибо», - тихо сказала Окада. И после короткой паузы произнесла одну короткую фразу: «Это было чудовищное время в моей жизни». Мне также приходилось вместе с ними встречать прибывающих в нашу страну японцев. И в подтверждении слов о ностальгии по их родине каждая встреча для них являлась для них глотком свежего воздуха. Очень наглядно было видеть, с каким восторгом, с какими приветливыми улыбками Ёсико Окада и Ясуко Катаяма встречали своих соотечественников. А когда она их провожала в аэропорт, старались

скрыть печальные выражения своих лиц, ещё долго-долго смотрели им вслед, помахивая им руками.

О первой встрече Ясуко Катаяма и Ё. Окада в Москве подробно рассказала нам сама Ё. Окада так: «Просторная улица Горького чем-то похожа на токийскую главную улицу Гиндза – всегда многолюдно. Я неторопливо шагала по улице и вдруг почувствовала на себе чей-то внимательный взгляд. Лицо женщины было восточного типа, ростом она была такого же небольшого, как я. Она поспешно отвела взгляд и ускорила шаг. Советский Союз – многонациональная страна, подумала я, часто можно было встретить в Москве жителей Средней Азии, но эта встреча не давала мне покоя. Что это была за женщина? И всё же, мне показалось, что это была японка! Иду к своему другу Киму. В молодости Р. Ким учился в Японии и говорил на изысканном японском языке выпускника университета «Кэйо дайгаку». Поговорить с ним на родном языке было для меня большим удовольствием. Я рассказала ему об этой встрече. «Да это же была Ясу Катаяма», - рассмеялся Ким. Он пообещал познакомить нас. Коротко рассказал, что она живёт на этой же улице Горького, работает, преподаёт разговорный японский язык в МГУ. Так началась наша дружба. Мы быстро подружились. Она часто приглашала меня к себе домой. Она хорошо готовила и удивляла меня блюдом, которое в Японии называется «Тирасидзуси». Удивительно, как только ей удавалось из чужеземных продуктов получить вкус японского блюда. Ясу Катаяма часто приглашала меня в Большой театр на балет и оперу. Это было наше общее увлечение, и оно ещё больше сблизило нас». В 1988 г. Ясуко Катаяма скончалась в возрасте 89 лет, прожив в Москве 57 лет.

Потеряв лучшую подругу, Ё. Окада снова одна. Я часто задаю себе вопрос, что объединяло этих двух разных по взглядам японских женщин. Ясу Катаяма – общественная деятельница, она ближе к политике. В полную противоположность ей Окада – человек искусства. Но я знаю ответ. Их объединяла тоска по Родине, которая называется *ностальгия*.

Долгое время Ё. Окаде было отказано во въезде в Японию. И только в 1972 г. губернатор Токио Минобэ Рёкити обратился к руководству нашей страны с просьбой о выезде Ё. Окада на свою Родину. Он же прислал ей авиабилеты туда и обратно. Конечно же, у неё были сомнения, как её встретят на Родине. Когда она сходила с трапа самолёта, в руках её был небольшой деревянный ящик, в котором покоился

прах скончавшегося её официального мужа Синтаро Такигути. Встреча с Родиной и с соотечественниками прибавила ей оптимизма, ушли все её сомнения, появилась уверенность в себе, и Ё. Окада включается в активную и интересную жизнь. В Японии ей предложили сыграть интересную роль в театре «Мингей» и сниматься в кино. И с тех пор, будучи профессиональной актрисой, она часто летала в Токио и снималась в кино. Две её роли «Август без императора» и «Трудно быть мужчиной» - имели в Японии большой успех. Ей было очень приятно, что её по-прежнему помнят и любят на Родине. Она летала в Токио на съёмки в кино и хотела работать всё больше и больше. Как бы наверстать все упущенные годы.

Но мысли о Сугимото не выходили из её головы. Ей очень хотелось узнать, что с ним, ведь мысль о том, что он ещё жив и находится где-то в тюрьме, никогда не покидала ее. Всё это время она внимательно следила за происходящими в стране переменами. И вот после XX съезда КПСС (1956 г.) по всей стране прошла первая волна реабилитаций (невинно осуждённых в период культа личности Сталина). Ёсико Окада и Ёсимаса Ёсида были реабилитированы.

Ещё раньше, в 1949 г. Ё. Окада неожиданно получила письмо из Хабаровска от Синтаро Такигути, с которым когда-то вместе снималась в одном, уже забытом фильме. В Японии он был мобилизован в армию. В 1945 г. попал в советский плен в Маньчжурии. Через два года советское партийное начальство предложило ему и ещё некоторым образованным японцам работу в Хабаровской редакции Международного Московского радио. Окада вспомнила его. Это был симпатичный юноша, гораздо моложе её, был страстно в неё влюблён и мечтал о встрече. Он написал, что все эти годы помнил о ней и любил её. Окада ответила на его письмо. Конечно же, никакой любви к нему у неё не должно было быть, так как она была верна только одному человеку – Сугимото. Но семейного тепла ей хотелось. Вскоре Такигути был переведён в Москву в Радиокomitee вещания на Японию. Там они встретились и через год поженились. Они получили хорошую, уютную квартиру в престижном доме в центре Москвы на Краснохолмской набережной. Их квартира была полностью заставлена множеством книжных полок. В конце своей жизни актриса решила распорядиться своей библиотекой, отправив её в дар музею Театра при японском университете Васэда. Это были собрания сочинений Гоголя, Горького, Станиславского, которые они вместе с Такигути покупали в книжных магазинах

Москвы. В этом же году (1949) она получила советское гражданство. С молодым мужем она вела тихую, спокойную жизнь. Но случилась беда – Такигути тяжело заболел и умер (рак унёс этого милого человека), которого она в шутку называла «папочкой».

В январе 1991 г. Ёсико Окада получила письмо из музея Николая Островского. Кто-то из японцев, побывавших Сочи, подарил музею книгу «Как закалялась сталь», переведённую на японский язык Рёкити Сугимото. Она, несмотря на запрет врачей, которые не советовали ей лететь, всё же полетела в Сочи и помогла музею оформить уголок памяти Рёкити Сугимото, передала музею фотографии и книги русских и советских писателей, также переведённых на японский язык Сугимото. В своей последней радиопередаче из Москвы Ёсико Окада рассказала об этом японским слушателям: «Я обязательно должна была туда поехать. Ведь у Рёкити Сугимото, невинно загубленного, нет могилы. Пусть этот мемориальный уголок в музее писателя, которого Сугимото любил, станет ему надгробным памятником». На прощание она как всегда пожелала японцам крепкого здоровья и счастья, а сама Окада была уже очень больна.

В самом конце её жизни ей ещё раз пришлось столкнуться со своим тюремным прошлым. В 1988 г. в популярном журнале «Огонёк» была опубликована статья помощника прокурора г. Москвы В. Рябова «Дело №537», в котором она увидела самый страшный смертный приговор Рёкити Сугимото. Окада и раньше догадывалась, как с ним поступили, но, пробежав глазами по этим жутким строчкам, снова почувствовала тупую боль в сердце, которая уже больше никогда не проходила.

Но силы не беспредельны. Она стала уставать. Врачи установили диагноз – гипертония. Осенью 1991 г. она перенесла инфаркт, долго лежала в больнице, но болезнь не отступала. Она боролась с болезнями, но, прожив долгую и очень сложную жизнь с крутыми поворотами, взлётами и неожиданными падениями, побороть болезнь не смогла.

За окном противно и жутко завывал февральский ветер, заставляя сжиматься её больное измученное сердце. Она пыталась успокоиться и заснуть, но воспоминания о своей сложной жизни возвращались вновь. Она думала, как много всего произошло в её жизни, как много пролито слёз. Слишком много для одной жизни, одного человека.

И февральской ночью 1992 г. сердце Ёсико Окада остановилось. Прожила Ёсико Окада в России, в общей сложности, 54 года и скончалась в возрасте 89 лет. Ритуальная церемония проходила в Донском монастыре Москвы, затем её прах был перевезён в Японию на могилу её родителей. Быть похороненной на Родине – это было её желание. Но хотелось бы знать, о чём в конце жизни думала эта сильная духом японская женщина, и какие видела сны? Но эта была её тайна, которую она унесла с собой. И мы, к сожалению, о ней уже никогда не узнаем.

Елизавета Диванидова

Источник:

Из личного общения и личных бесед с Ёсико Окада и Ясу Катаяма.

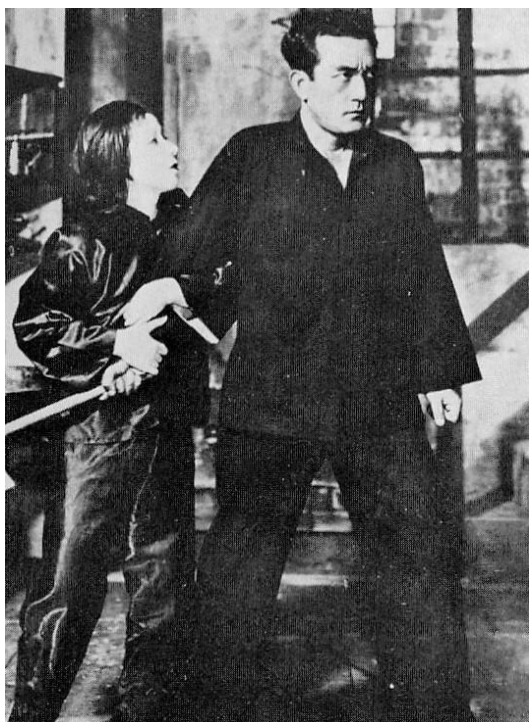

1. Сентябрь 1965-го года в крымском парке Мисхор

2. 1950-й год. Вышла замуж за Синтаро Такигути, диктора японского языка Хабаровской станции

3. Май 1937 года. Выступление в составе театральной группы Масао Иноуэ. Пьеса Ринноскэ Хориэ "Хибари" ("Жаворонок")

4. 1932-й год. Выступление в театральной группе Иноуэ Масао. Пьеса Хидэо Нагата "Аппарэ Вонг" ("Замечательный Вонг")

5. 1927 год, студия Никкацу. "Цубаки-Химэ" ("Принцесса Камелия") вместе с Реоити Такеути (слева). Неоконченная постановка из-за исчезновения двух героев во время съемки. Из материалов остались только фотоснимки.

6. 1932-й год студия Никкацу "Земля улыбается". Режиссер: Кендзи Мизогучи. Справа - Эйджи Наканоэ

7. Фотопортрет времен актерской деятельности

8. 1905-й год. Возраст - 3 года. Вместе с матерью

9. 1967-й год. В сквере около театра Маяковского

10. Ясу Катаяма, Ёсико Окада и Н.И. Конрад. 60-е годы